

заметить и того, что определенные слова имеют также внешние признаки, судя по которым можно отнести их к той или иной части речи.

Опыт начинающего изучать язык в данном случае поучителен. Он еще раз убеждает о том, что многие явления действительности не всегда находятся, так сказать, на поверхности, их надо суметь увидеть, что части речи в языке являются объективными данными, что следует только найти средства их распознавания, способы их обнаружения, которые, кстати, он (опыт) также подсказывает. Учитывая это и внимательно проследив путь познания начинающего изучать язык, можно прийти к выводу: для верного решения проблемы частей речи необходимо использовать данные семасиологии, синтаксиса и морфологии. Этот путь “настойчиво навязывается самой языковой системой” [6. с 78]. Правильность такого решения подтверждается тем фактом, что значение слова, его функция и форма неотделимы друг от друга, предполагают друг друга: слово определенного значения выполняет определенную функцию, в то же время определенная функция является свойством (качеством) слова определенного значения: выполняя определенную функцию, слово определенного значения, как слово, проявляет себя в определенной форме.

Таким образом, при выделении частей речи в дунганском языке логично использовать следующие критерии: семантический, синтаксический и морфологический.

Приступая к анализу дунганских слов, мы исходим из того, что “даже в языках с очень слабо развитой морфологической системой, существуют общие семантико – функциональные разряды слов, т.е. разряды слов, соответствующие по своему значению и функции существ-

вительным, прилагательным, числительным, местоимениям частицам русского языка” [7. с.31].

Таким образом, части речи в дунганском языке, как в английском и русском языках, представляют собой естественно данные самим языком грамматические группировки лексики, без учета которых невозможно любое грамматическое описание. К ним относятся: существительное, глагол, наречие, прилагательное, числительное, причастие деепричастие, местоимение, частицы, предлоги, послелогии, союзы, междометия и звуко-подражательные слова.

Вместе с тем, мы прекрасно осознаем, что и нечеткость границ между частями речи также заложена в самой природе языка. Именно поэтому мы берем на себя задачу представить некоторую систему объективных фактов с определенной их интерпретацией и не исключаем возможности иного их толкования в будущем, по мере дальнейшего познания структуры и механизма действия языка.

1. Цит. по книге: Щербак А.М. О лингвистической природе частей речи // Вопросы теории частей речи. – Л.: Наука, 1968. – С. 229).

2. (Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – С. 74).

3. Грамматика русского языка. – Т. 1: Фонетика и морфология. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 40.

4. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.

5. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.

6. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке. В его кн: Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974 – с.78.

7. Серебренников Б.А. Принципы составления описательных грамматик. – с.31.

8. Имазов М.Х. Грамматика дунганского языка. Бишкек., 1993.

Макалада соз туркумдорунун теориясы англистикада, русистикада жана дунган тилинде каралат.

The article regards the theory of part of speech in English, Russian, Dungan languages.

Х. С. Мухамадиев, К. Т. Кенжеева

КОНЦЕПТ ДЕРЕВО ИЛИ «ОДА КАРАГАЧУ»

Почтительное отношение к дереву в разных культурах основано на вере в его целительную силу, на одушевлении его. Учёные установили, что человек может получить положительную энергию от некоторых деревьев, например от

дуба. Тополь полезен при сильных болях и воспалительных процессах: он забирает у человека отрицательную энергию.

В Казахстане не так уж много лесов, но среди топонимов часто встречаются такие, в

которые входит слово «агач». Например, Узунагач – центр Джамбулского района Алматинской области, Сарыагач – центр одноимённого района Южно-Казахстанской области.

В «Словаре народных географических терминов» Э.М. Мурзаева словарная статья агач содержит следующую информацию: «лес, роща, дерево (тюрк). Слово часто встречается в тюркоязычной топонимии как варианты: агаж, агаш, агас, агыч, йагач».

В словарной статье кара отмечается, что «кара» в Казахстане – «это сопка и сравнительно крупная другая возвышенность, сложенная из твёрдых горных пород с частыми обнажениями, обычно тёмного цвета. Силуэт такой возвышенности, вырисовываясь на горизонте, издали кажется тёмным, отсюда и название. В настоящее время как живое слово не употребляется, кара часто входит в состав сложного географического названия типа Джетыкара, Бериккара, Иманкара, Ушкара, Аманкара».

В этих семасиологических разъяснениях относительно слова «кара» особый интерес представляют значения «крупный», «тёмный», «твёрдый». В «Казахско-русском словаре» (2001) в статье «кара» приведены его переносные значения: «кара-куш – мощная физическая сила, характерек – могучий тополь, кара-орман – несметное богатство».

В двуязычном словаре имеются две статьи «карагаш»: 1) *карагаш* – карагач/карагачевый (*ulmus carpiniifolia*); 2) *карагаш* – 1) устар. Карагасы (тюркоязычный народ в Нижнедвинском районе Иркутской области России, самоназвание – тофа, тофалар), 2) этноним *карагаш* (небольшой род в этническом составе казахского народа, населяет в основном территорию Астраханской области России)».

В словаре терминов *карагайник* толкуется как фитотопоним *-невысокий лес. Карагай* – тюрко-казахское название сосны (*pinus*). В слове чётко выделяются две части: *кара* и *гай*. Казахское «тогай» – «лес, пойменный лес...». Автор словаря отмечает, что «нужно отличать топонимические ряды, сложенные тюркскими словами: *карагай* – лиственница, сосна, хвойный лес и *караган* – кустарниковые акации в Средней Азии, Казахстане...».

Эти лексикографические данные объясняют, что семантика фитонимов *карагач* и *карагай* не может быть сведена к простому переводу: *чёрное или тёмное дерево*. Основной ландшафтный облик Казахстана создают степи и полупустыни, поэтому растения их ксерофильны, т.е. приспособлены переносить сухой климат. Они имеют мелкие и

узкие листья, часто покрытые лёгким восковым налётом, что защищает их от излишнего испарения, а зелёной листве придаёт *тёмный* цвет.

Предыстория поэтических концептов «ода карагачу», «карагай – главное дерево Баянаула», «саксаул – гордость пустыни» как природных символов в национальной картине мира, в отечественной литературе в первую очередь связана с именем О.Сулейменова.

К 70-летию Олжаса Сулейменова в 2006 году была издана книга Бекета Карашина «Почтение земли: поклон человеку (эссе, стихи). Редакционная коллегия в составе Г.К.Бельгера, М.М.Ауэзова одобрила выпуск данной книги, в которой наряду с избранными стихами особое место занимают тюркологические этюды и эссе. Автору принадлежат также книги «Бейбарс: эпоха и личность», «Рыцарская поэзия казахских жырау», «Махамбет. Жыр-жебе. Стихострелы», отмеченные премией имени Махамбета.

Заголовок книги «Почтение земли» – как интертекстуальное пересечение с поэмой «Земля, поклонись человеку», начинается с цикла стихов, посвящённых О.Сулейменову. Стихотворение «Слово Земли сыну Солнца» начинается с риторического вопроса «Как мне назвать того: кто светит ярко, как софит... кто ищет, пишет и творит язык письма в пыли забвений? Возможно, – гений?». Затем рефрен с доминантой *Гений* усиливается: «быть может, – гений?», «конечно – гений!» и в финале «живи и здравствуй, друг мой, ГЕНИЙ!».

Дальнейшие строки *Перенеся, как мудрый стоик, всю тяжесть обвинений, измен, душевных перестроек, трудов, открытий, столкновений... сын Солнца, ты – моё прозреньё, тебе нет места в лоне смерти* – напрямую соотнесены с последующими стихами о деревьях. «Ода Карагачу» и «Я – саксаул, гордость пустыни» – олицетворение людей, стойко противостоящих трудностям и невзгодам, зависти и лжи.

Карагача нет в песнях, он не так красив, он часто растёт в степи *одиоко*, но он жизнестоек и становится символом нестигаемости и твёрдости. *Много разных деревьев на свете Поэтами разными были воспеты Пора и в честь «кара агаша» наполнить бокалы или же чаши, выпить вино, как дерево воду, стихи сочинить. Желательно, ОДУ!*

В интертекстуальной переключке поэтических образов и в выборе ключевых концептов сказалось влияние О.Сулейменова. У Карашина мотив «кара агаш» последовательно вырастает в концептуальный образ и наделяется человеческими свойствами: *Жаль, не избрал предшест-*

венник наш тотемом тебя, кара агаиш. Ты – очаг, шанырақ и крепость, Оды мало, тебе нужен Эпос.

Концепт «чёрное дерево» у О.Сулейменова был обозначен в сборнике «Доброе время восходов», изданном в 1964 году, где поэтический цикл под названием «Чёрное дерево» начинается со стихов, посвященных А.Пушкину, и заканчивается «Хлебной ночью». Интересно, что стихотворение «Карагач», написанное в 1961 году, Сулейменов поместил в книге *Избранное* в цикле «Госпожа пустыня».

В поэтическом контексте Сулейменова эпитет *чёрный* играет ключевую роль в создании национальной картины мира. В книге «Доброе время восхода» в стихотворении «На площади Пушкина» нет этого эпитета: «Поэт красивым должен быть, как бог. // Кто видел бога? Тот, кто видел Пушкина. // Бог низкоросл, и всякий видеть мог // его с тяжелыми арапскими губами». В *Избранном* читаем: «Бог низкоросл, чёрен, как сапог, с тяжёлыми арапскими губами».

Поэт также перевёл казахский орнитоним *караторгай* и создал стихотворение «Черный жаворонок», в котором ключевыми словами являются «гений жизнелюбый». Эпитет *чёрный* у Сулейменова поэтически и последовательно вырастает до значений «крепкий духом» - жаворонок, «могучий телом» - карагач, «великий или гений» - Пушкин.

В стихотворении «Хлебная ночь» о тружениках-целинниках, ключевые слова *чёрный* и *надёжный* становятся синонимами: «Те же длинные лица, Чернее целинной земли», «Нет, он за штурвалом, почернелый, усталый», «Кроме самых надёжных парней», «Тракторист пил из кружки Холодную чёрную воду».

Для Сулейменова самый ценный образ – это *народ-дерево*, чьи корни мощно ветвятся в отчей земле, а раскинувшаяся крона касается листвы соседних деревьев. При создании этого образа Сулейменов мастерски использует эпитет *чёрный*, который при более глубоком рассмотрении оказывается больше чем эпитет. Национальную окрашенность его стихам во многом придаёт образ *кара агаиша*.

Свежесть восприятия и выражения предметного мира отчётливо прослеживается в сравнении «Карагача» у Сулейменова со стихами С.Есенина *о берёзе*, и М.Лермонтова и Г.Гейне о сосне

Для казахского поэта: «Берёза – северный бамбук», она - слабая «дрожит струной, сгибаясь в лук, на белизне окна Выводит тенистые узоры букв, и в серебрищейся тетради Письмо

дыханья – Бога ради!» (Ноктюрн). Сонности и статичности автором противопоставлен образ одинокого *карагача*, раскачивающегося на ветру: *Смотри, на кургане, где ветер поёт, где слышится волчий плач, вцепившись корнями в сердце моё, шатаясь, стоит карагач. В глубоких морщинах коричневый ствол...Ломают бури, но он упрям – маяк пустынных степей, стоит, развернув навстречу ветрам плечи чёрных ветвей.*

Необыкновенная энергия стиха, передающая психологический момент встречи сердца поэта с корнями дерева - делает характеристику образа богатой и многокрасочной. Этот яркий динамичный сюжет Б.Карашин и берёт за основу, чтобы развернуть свою главную тему. «Ода карагачу» стала лучшей поэтической находкой и подарком О.Сулейменову: *Чёрное дерево, - кара агаиш, король лесостепи, её верный страж, зелёная крона – твоя корона, а мощные корни – вместо трона. Хотя ты не строен и не кудряв, но ты жизнестоек, неприхотлив, суровый боец, не нежный халиф. Ты защищаешь степь от набегов снежных метелей, пустынных бурь, однако нет тебя в песнях и негах... Ты не изнежен, не знаешь ласки, груба землистого цвета кора, а эти морщины, словно на маске, рубила стужа, морила жара. Ты часто растёшь одиноко, будто кем-то отринут, покинут, так отшельник живёт ради бога... Искал находил у тебя приют путник... было ему уютно, как в юрте, ты – спасение в степи, ты – оазис. Жаль, не избрал предшественник наш тотемом тебя, кара агаиш. Ты – очаг, шанырақ и крепость, оды мало, Тебе нужен эпос.*

В этом произведении кто-то увидит лишь красочный образ дерева из семейства *вязов*, а кто-то черты выдающейся личности поэта-гражданина второй половины 20 века. Б. Карашин поступил также как и М. Лермонтов, талантливо переведший стихи Г. Гейне, которые в оригинале называются «Сосна стоит *одиноко*». Образец культурно-семиотического феномена интертекстуальности позволил автору оценить заслуги поэта, поэтически воспроизведя его реальные черты.

Мотив одинокого *карагача* Б.Карашиним дополнен образом *саксаула* - невзрачным на вид деревом, но за приспособленность переносить недостаток влаги, называемым «царём» пустынной растительности. Саксаул (*Haloxylon*) – дерево с крепкой, как железо, древесиной, зачастую растёт *одиноко* в местах, где другое дерево не сможет выжить. *Я – саксаул, гордость пустыни, невзрачен, коряв, для взора постылый. Я – саксаул, растущий в пустыне искусств, в равно-*

душных песках, в местах, где жизнь – редчайшее чудо...

Образ художника, зачастую *одинокого*, не до конца понятого, в литературе традиционно стремятся передать через метафорический образ. Не являются исключением и стихи Т. Есимжанова «Одинокое дерево в степи» в книге «Вечное сердце». Мотив *одинокое дерево* вынесен в заголовок и выполняет концептуальную функцию. В семасиологическом аспекте слово *одинокое* означает *отделённый от других подобных, без других, себе подобных; без близких* (С.И.Ожегов).

«Как ты, дерево, здесь оказалось. В сердце-вине равнины глухой? Вызываешь щемлящую жалость Ты своей бесприютной судьбой. Степь окрест распахнулась широко, Небеса – неоглядней морей. Что ты делаешь здесь одиноко Как живёшь – без врагов и друзей?»

Концепт *одинокое дерево* отражён и в казахской картине мира в виде распространённых фитотопонимов типа Жангыз-агаш или Жалгыз-агаш.

В книге стихов Б. Канапьянова «Векзамеры» имеется прозаический сюжет «Жалгыз агаш» (в переводе «Одинокое дерево»). В содержательном плане этот рассказ – поэтизированная *ода дереву*. Рассказ начинается с того, что уставший с дороги чабан к вечеру находит отдых под кроной *одинокое* растущей в ущелье берёзы. В воображаемой беседе с человеком берёза сожалеет, что не может передвигаться, но ей очень хотелось бы узнать, как живет её мать, которую она никогда не видела и чьей семени обязана рождением, жизнью, – это «семя давным-давно занесло ветром сюда, в долину, где, куда ни взглянешь, – не видать моих собратьев».

Фитонимы *карагач, карагай и саксаул* нашли своё достойное место в литературе Казахстана, пополнив ряды метафорических образов в роли культурных символов-концептов. Определённо включённые в текст, они являются яркими выразителями национальной языковой картины мира

Рассматриваемый словарь сюжетов и мотивов в казахской литературе соотносится с символами крепости, жизнелюбия и долголетия. Так, в поэтическом очерке В.Буренкова «Главное дерево Баянаула», представляющем собой уже оду *сосне*, подчёркивается такое свойство дерева как *неприхотливость*. По мнению автора, можно только восхищаться жизненной силой *баянаульской сосны*, которая встречается в самых не-

ожиданных местах, непригодных для жизни, где нет воды. Одинокое *карагаи* растут на гранитных склонах и гребнях хребтов, подверженных напору беспощадных ветров.

Порой причудливо изогнутый ствол сосны сближает её с саксаулом, а шершавая толстая кора, надёжно защищающая дерево от *ожогов* – с карагачом. На многое способны корни *карагай*. Если вода глубоко и добраться до неё нет возможности, дерево раскидывает свои корни густой сетью по поверхности почвы. В эти сети она и ловит талые и дождевые воды. В этом отличие и особенность казахстанской сосны. Необычная сосна Казахстана стала объектом художественного осмысления как исключительно уникальный тип растительности, явно отличающийся от остальных: *не лесное дерево, а выросшее на свету*.

Таким образом, в сюжетах и мотивах о таких реалиях природы, как дерево, в художественных текстах зачастую на первый план выдвинут семантический аспект отдельности, непохожести, *одинокости, но жизнестойкости, твёрдости и неповторимости*. Исследуемые авторы не отбирают в природе лишь исключительные красоты: шершавый карагач, изогнутая сосна, безлиственный саксаул, танцующая берёза – кто они или что они? *Может, стало б ты выше и крепче, коль росло бы в дубраве густой. Может, сильный сосед твои плечи Заслонил бы от солнца собой. Не в лесу, под степными ветрами Ты стоишь, безысходно скорбя. И какими на свете словами Можно было б утешить тебя? Видно всякому, как тебе трудно. И найдётся ли в мире знаток, Кто бы понял и речь твою мудро Человеческим словом изрёк? Как беда ледяною метелью Или зноем тебя не сожгла? Стала степь золотой колыбелью И как сына тебя сберегла. Или преодолев расстояние Не странств, а столетий крутых, Может быть, ты – живое посланье От неведомых предков моих?»*

Мақалада, әдеби шығармалар негізіндегі-ағаш және оның фитонимдары: карагаш, карагай, сексеуіл сияқты табиғат концептілері қарастырылған. Мақаланың мақсаты аталған концептілердің элементі тілдік картинасындағы орны мен мағынасын анықтау. Мақала О.Сүлейменовтың 75 жылдығына арналған.

In article on a material of literary works it is considered the concept the nature – a tree and its phitonims: karagach, karagay, a saxaul. Article purpose – to define their place and value in a language national picture of the world. Article is devoted the 75 anniversary of the poet of O.Sulejmenov.